

Пимен Угрешский

Преподобный Пимен (в миру Петр Дмитриевич Мясников) родился 10 августа 1810 года в городе Вологде. Родители его, Дмитрий Афанасьевич и Авдотья Петровна, были люди благочестивые, честные и достаточные и происходили из торгового сословия.

Когда Петру минуло семь лет, его стали учить грамоте. Народных училищ в то время в Вологде не было, и дети людей среднего класса учились грамоте, где придется. Неподалеку от дома Мясниковых жила одна старушка - Крылова, из духовного звания, зырянка из города Никольска.

Старушка эта имела небольшой домик и занималась печением сдобных ватрушек; у неё были три дочери немолодых уже лет - старшая, Пелагея Егоровна, была портниха, а обе младшие - башмачницы и неугомонные певуны. Пелагее Егоровне выпало на долю быть преподавательницей грамоты мальчику Петру. Он и его товарищ по имени Андрюша ежедневно ходили к этой учительнице.

Но вероятно, учёная портниха не в равной мере обладала способностью шить и способностью преподавать; прошло два года,

что мальчики учились, а они всё ещё читать порядком не умели.

Тогда учеников от Пелагеи Егоровны взяли. Андрюшу отдали в медники, а Петрушу поместили к крестному отцу, который и довершил образование своего крестника, доучив его грамоте. Впрочем, и тут успех был не полный: читать крестник выучился хорошо и бойко, но что касается чистописания - эта наука ему вовсе не далась, и он усвоил себе почерк мелкий и малоразборчивый.

Когда Петру было уже лет десять-одиннадцать и он мог свободно читать, он принялся за чтение Библии, крупной и чёткой печати Елизаветинских времен, бывшей в родительском доме. Чтение божественной книги имело на него большое влияние и оставило в уме отрока неизгладимые следы: он охладел ко всему временному и, помышляя более о небесном, нежели о земном, начал думать, как бы ему поступить в монастырь.

Отец его был церковным старостой в своём приходе, и Петр, когда только мог, непременно бывал в церкви. Он часто также ходил в Духов монастырь и, встречаясь там с одним подвижником, познакомился с ним. Тот был

человеком благочестивым и кроме храма Божьего почти нигде не бывал. Жил он в уединённой келейке, которую для него выстроили у себя на дворе всеми уважаемые в Вологде пожилые девицы Ачябьевы. Этот подвижник, к которому Петр начал ходить, поддерживал в юноше его благочестивое настроение.

Достигнув семнадцатилетнего возраста, Петр достал себе книгу «Алфавит Духовный» и, прочитав её, окончательно утвердился в мысли отказаться от мира.

Зная крутой и несговорчивый характер своего отца, не слишком расположенного к монашеству, Петр весьма опасался открыться ему, предвидя с его стороны сильное сопротивление. К счастью, две из его младших сестер отпросились у отца вступить в Горицкий Троицкий монастырь. Это облегчило и Петру объяснение с отцом, и тот, хотя и не весьма охотно и не вдруг, однако согласился не мешать благочестивому юноше последовать примеру сестёр.

Юный послушник Петр находился на послушании в келарной, помощником келаря. Не без пользы провёл он время своего

новоначалия в Новоезерском монастыре и по прошествии многих лет, вспоминая о своём там жительстве, рассказывал многие подробности виденного им и различные обстоятельства тамошнего житья, глубоко врезавшиеся в его память.

После кончины архимандрита Феофана, последовавшей 3 декабря 1833 года, Петр прожил еще несколько месяцев в Новоезерском монастыре, а в июне отправился на родину, в Вологду, хлопотать о своём увольнении от общества.

Отец Игнатий (Брянчанинов), бывший в то время игуменом Лопотова монастыря, снабдил Петра двумя письмами, из которых одно было адресовано известному Оптиному старцу и учителю, отцу Леониду (Наголкину), другое - к отцу Иларию младшему, жившему когда-то в Свирском монастыре вместе с Брянчаниновым.

Благодаря этим двум письмам Петр был радушно принят в Оптиной пустыни.

Иеромонах Иларий, к которому Петр также имел письмо от отца Игнатия, был в Оптиной пустыни ризничим, и так как кроме него был ещё и другой Иларий, то в отличие от того этот назывался младшим.

По рекомендации игумена Игнатия (Брянчанинова) в 1834 году иеромонах Илари́й был назначен настоятелем Николо-Угрешского монастыря Московской епархии с возведением в сан игумена и, отбывая на своё новое место служения, взял с собой послушника Петра в качестве своего келейника.

При поступлении своём на Угрешу Петр был совершенный юноша, и хотя от роду ему шёл уже двадцать четвертый год, он казался на вид несравненно моложе; небольшого роста, крепкого телосложения, но не слишком плотный, с живыми, пронизательными глазами, которые всё видели, всё замечали; с тёмными широкими бровями и густыми, как шёлк, темно-каштановыми волосами; бороды и усов не было ещё и признаков.

Он приехал из Вологды в подряснике из толстого чёрного сукна «оптинского» покроя и в кожаном поясе из тюленя, известных под названием «соловецких» поясов. Такое одеяние показалось очень странным Угрешской братии; много над ним трунили; говорили, что в штатном монастыре так не одеваются; называли его кожухом, однако Петр нисколько этим не обижался и, не обращая внимания на то, что говорят другие, и хорошою ли, дурною ли

находят его одежду, продолжал носить свой подрясник, пока он ему годился.

Недели через две по приезде он подал прошение о своем принятии в братство монастыря.

При настоятельских келиях для келейника особой каморки не было, а в передней был отгорожен угол с окном, и здесь прожил Петр первые пять лет своего пребывания на Угреше. 26 марта 1838 года игумен Иларий постриг послушника Петра в мантию и нарек ему имя Пимен в честь великого подвижника монашества, как бы предвещая ему, что и его имя в современном монашестве будет чтимо и останется приснопамятным. После того он целую неделю неисходно пребывал в Успенской церкви, где был пострижен, и в скором времени, уволенный от должности келейника, получил отдельную келию.

Все прежние его послушания остались за ним, а вместо келейного он получил послушание церковное.

В феврале 1839 года монах Пимен был хиротонисан в сан иеродиакона.

Угрешский казначей отец Серафим, очень хороший монах и человек способный, в начале 1839 года был переведён митрополитом Московским Филаретом (Дроздовым) в Московский Знаменский монастырь, а на его место был назначен исправляющим должность иеродиакон Пимен. Несмотря на то, что ему было едва тридцать лет и в монастыре были иеромонахи гораздо старше его летами, но ни на кого из них не пал выбор владыки. Менее чем через год настоятелю монастыря было предписано отправить иеродиакона Пимена к викарию Московскому для посвящения во иеромонаха. 25 апреля 1840 года иеродиакон Пимен был рукоположен в сан иеромонаха. 26 февраля 1844 года - утверждён в должности казначея.

Игумен Иларий мало входил в вещественные нужды обители, помышляя более о духовном её строе. Иеромонаху Пимену приходилось иметь попечение о её благосостоянии, и на нём лежали все тяготы управления. Мало-помалу он осваивался с ними и незаметным образом подготавливался к той многосторонней деятельности, какой потребовала от него впоследствии многолюдная и обширная обитель, благодаря ему процветшая и прославившаяся.

16 октября 1853 года стараниями отца Пимена и при поддержке митрополита Московского Филарета Николо-Угрешский монастырь был преобразован из штатного в общежительный, а иеромонах Пимен был возведен в сан игумена и назначен настоятелем обители в виду того, что игумен Иларий подал прошение об увольнении на покой.

Относительно нравственных качеств отца Пимена можно сказать, что он не был ни корыстолюбив, ни стяжателен, ни вещелюбив. Имея в руках десятки и сотни тысяч, он не сберёг собственно для себя ни одного рубля, и всё, что было у него денег, велел записать монастырскими. Но, не будучи стяжателен для себя лично, нельзя сказать, чтобы он был вовсе чужд стяжательности для обители. Напротив того, он постоянно помышлял о том и прилагал всё свое старание, чтобы увеличить и упрочить вещественное благосостояние Угрешы и радовался, когда делалось что-нибудь для обители, и скорбел, если желаемое им не осуществлялось или было замедляемо.

Но и при всей своей преданности интересам монастырским и при всегдашнем и неусыпном о нём попечении, он прежде всего памятовал своё монашеское звание и потому с великой

осторожностью делал каждый шаг, опасаясь подать повод к невыгодному отзыву о монашестве, и с великой осмотрительностью принимал предлагаемое благотворителями.

Будучи в отношении к братии весьма взыскателен, он, когда требовалось утешить кого-нибудь, наградить, помочь, не стеснялся и давал полною мерою. Старшим из братии, когда отпускал их побывать в Москве, давал по пяти, по десяти рублей и более, а когда по прошествии многих лет жительства в монастыре кто-нибудь из иеромонахов отпрашивался на богомолье в Киев или на родину, и это было далеко, он давал значительное, достаточное с избытком для путешествия количество денег, сообразуясь с потребностями каждого, и были случаи, что он давал и по несколько сот рублей.

Он умел требовать, умел взыскивать и, наказывая строго, любил и утешить человека достойного из братии, и умел щедро и не стесняясь наградить и поощрить.

Он всегда носил в кармане множество серебряных монет, и когда при встрече с ним просил у него прохожий, нищий, погорелый, рабочий или странник, он не отказывал никогда и, опустив руку в карман и смотря по тому, кто

был просящий, давал ему столько, сколько почитал нужным и достаточным.

Он не отказывал послушникам, живущим в монастыре и хорошо себя ведущим, платил за них подати или оброк, хотя бы это составляло и несколько десятков рублей. «Он трудится для монастыря и братии, - говорил отец Пимен, - почему же монастырю и не помочь ему?»

В постные дни и во время положенных постов отец Пимен, согласно с уставом, умеренно употреблял надлежащую пищу и в продолжение великой четырехдесятницы, хотя и строго воздерживался от рыбы, но не удручал себя чрезмерным воздержанием, а говаривал: «Дай Бог соблюсти в точности и то, что нам положено по уставу, не мудрствовать, а в простоте исполнять».

Отец Пимен был всегда усерден к церковному богослужению и, глубоко проникнутый духом монашества, строго придерживался устава церковного и не позволял никаких отступлений ни в самой службе, ни в часах богослужения, которые, однажды установленные, никогда не были изменяемы.

Сам он, пока позволяло ему здоровье, всегда приходил к утрени, начинавшейся в три часа по

будням, а в воскресные и в праздничные дни часом или получасом ранее; сам назначал, кому из иеромонахов или иеродиаконов читать Шестопсалмие, выбирал из Пролога чтение по шестой песне и оставался до конца, но на раннюю обедню молиться не оставался, а приходил к поздней.

Весьма часто в будни он сам читал кафизмы или канон, не очень громко, но так внятно и явственно, что во всей церкви слышалось каждое его слово.

Чтение его отличалось простотой и плавностью: он не понижал и не возвышал голоса, читал мерно и неспешно. Он не одобрял тех, которые при чтении, как он выражался, виляют голосом.

«Читай просто и внятно, а голосом не виляй; слово Божественное имеет свою собственную силу и не требует, чтобы мы старались своим голосом придавать ему выражение; я почитаю это даже за самомнение, будто я могу своим чтением произвести более впечатления, чем смысла того, что Церковь положила читать; слово Божие более подействует, чем наш голос».

Он был глубоко и искренно благочестив, не суемудрствуя и не сомневаясь в учениях святой

Церкви или святых отцов. Ему часто случалось говорить мирянам в ответ на какое-нибудь сомнение или на извинение, что они не исполняют в строгости устава Церкви: «Нам тут сомневаться не в чем, этому учит святая Церковь, и извинять себя не можем своими мудрствованиями; почитайте-ка, что об этом говорят святые отцы, вот и увидите, а они Богу угодили, да и поумнее были многих ваших теперешних учёных умников, которые только мудрствуют и сами заблуждаются, и других вводят в соблазн и в грех. От своих дел никто из нас не оправдится, а если чувствуешь, что делаешь отступления, так не оправдывай себя, а смирайся, сознавай, что ты согрешил и живёшь худо, не так, как следует, не по божественному слову, и прибегай к милосердию Божьему, а не говори: экая важность, что я это делаю или этого не делаю.

Очень велика важность; ты не хотел знать, что об этом говорили святые отцы, прославленные угодники Божий, которые были не нам чета, ты делал заведомо отступления от устава Церкви, стало быть, ты отступник и не исполнил закон Христов, стало быть, ты повинен чему? Знаешь ли?

Ни много ни мало, только геенне огненной. Так кайся, а не оправдывайся. Сознай свою слабость, проси прощения у Бога, а не смей говорить: экая важность! Сугуб грех имаши. Так-то, сударик, больше Церкви, выше святых не будешь».

И в этом духе отец Пимен очень часто говаривал мирским людям, нисколько не стесняясь значительностью лица.

«Если мы говорить не будем, кто же скажет? Не спрашивают - не навязывай своих убеждений, не лезь с непрошеными советами; а если спросили тебя, дали тебе повод говорить, желают услышать слово на пользу, тут нечего стесняться и деликатничать; говори дело, как есть, не на лицо зряще. Господь с тебя же взыщет: мог сказать правду, предостеречь брата твоего от греха и погибели и не сделал этого из пустого, глупого мирского угождения. Двум господам слугой не будешь: служи Богу, а не человеку; а рассердится на тебя за правду, что тебе от этого? И он человек такой же, как ты; дурно ему, а не нам, мы сказали слово истины, не человекоугодствовали».

24 августа 1858 года за выдающиеся заслуги по устройению монастыря митрополит

Московский Филарет возвел игумена Пимена в сан архимандрита. За это время трудами отца Пимена было выстроено в монастыре пять церквей: Николаевский собор в 1843 году, церковь преподобной Марии Египетской в 1851 году, Успенская в 1852 году и 1860 году - Скорбященская и Петропавловская скитская. Все они были освящены митрополитом Московским Филаретом.

К 1866 году относится событие, весьма важное для Угрешского монастыря, принесшее великую честь отцу Пимену и заслужившее ему всегдашнюю, нескончаемую благодарность тысяч людей - это учреждение и открытие монастырского народного училища.

В 1869 году архимандрит Пимен был назначен благочинным общежительных монастырей Московской епархии. К нему под начало поступили следующие мужские монастыри: Троицкий Коломенский Ново-Голутвин монастырь, Николо-Угрешский монастырь, Николо-Пешношский монастырь, Старо-Голутвин Коломенский монастырь, Бобренев монастырь, Белопесоцкий монастырь, Николо-Берлюковский монастырь, Спасо-Гуслицкий монастырь, Давидовская пустынь

монастырь, Екатерининская пустынь и женские: Бородинский монастырь, Аносин-Борисоглебский монастырь, Спасо-Влахернский монастырь, Крестовоздвиженский-Лукинский монастырь и Одигитриевская-Зосимова пустынь.

Над отцом Пименом исполнилось слово Христа Спасителя: «Аще кто Мне служит, почитит его Отец Мой». Во всю свою жизнь отец Пимен непрестанно памятовал своё монашеское звание и с этой точки зрения смотрел на каждый свой шаг, на все свои действия, прежде всего задавая себе вопрос: «Прилично ли сие для монаха или предосудительно?» Он свято хранил иноческие обеты нравственной чистоты и целомудрия, нестяжательности и послушания, любил монашество, глубоко был проникнут его духом и, желая быть сам истинным монахом, старался водворить этот дух не только в Угрешской обители, им управляемой, но и во всех общежительных монастырях, подчинённых его ведению как благочинному.

Его ценили, уважали и чтили три святителя, митрополиты Московские, при которых он управлял воссозданной им обителью.

При первом из них он только начал возрастать, он складывался, развивался, креп, созревал и, проникнутый благотворным влиянием его несокрушимого духа, оказался достойным делателем его времени, сохранив на себе неизгладимые его следы.

Второму он предстаёт уже как муж зрелый, советник разумный и опытный, опора церковной власти, проницательное и бдительное око, блюститель и ревнитель благих иноческих преданий, хранитель строгих правил высокой нравственности, чистоты духовной и нестяжательности вещественной.

Третий при восхождении своем увидел в нём созревший и от полноты своей долу преклонившийся колос.

Праведная кончина архимандрита Пимена последовала 17 (30) августа 1880 года.

Почитание архимандрита Пимена началось сразу же после его блаженной кончины, множество паломников приходило к месту его погребения. Часовня над могилой отца Пимена никогда не бывала безлюдной, многие приносили ему свои молитвы, воздыхания, скорби и радости.

Возобновление почитания архимандрита Пимена произошло вместе с открытием обители в 1990 году.

Архиерейский Собор Русской Православной Церкви определил причислить к лику общецерковных святых и включить в Месяцеслов Русской Православной Церкви преподобного Пимена Угрешского (Мясникова; 1810-1880; память 17/30 августа), ранее прославленного как местночтимого святого Московской епархии.

